

орган, осуществляющий правосудие, при этом принцип разделения властей требует, чтобы разрешение дел по существу осуществлялось исключительно судом.

Однако поскольку в международных отношениях отсутствует формальная централизация властных полномочий, а первичными творцами международного права выступают, прежде всего, равноправные субъекты — суверенные государства, постольку узкий подход к понятию юстиции (правосудия) как деятельности исключительно по рассмотрению дела судом не может быть перенесен в область международно-правовых отношений. Практика продемонстрировала, что международные уголовные судебные учреждения наделяются не только полномочиями по рассмотрению дел, но и другими функциями. Указанное обстоятельство подтверждается, в частности, особенностями структуры ряда международных уголовных судебных учреждений, которые, помимо судебных камер, рассматривающих дела по существу, включают в себя органы, осуществляющие функцию расследования и обвинения.

Таким образом, наиболее приемлемым представляется понимание юстиции как деятельности в широком смысле, то есть деятельности, которая наряду с собственно разрешением дела судом включает в себя реализацию иных правоохранительных функций.

«НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ»: КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Габеев Н. С., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Принцип проведения различия, сформированный в нормах Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны, требует от участников вооруженных конфликтов во всех случаях разграничивать комбатантов и гражданских лиц, лиц, принимающих участие в вооруженном конфликте и вышедших из строя по причине ранения, болезни и проч. Одними из тенденций вооруженных конфликтов последних десятилетий стало смещение военных действий в центры сосредоточения большого числа гражданских лиц, передача ряда военных функций гражданскому персоналу в лице частных охранных компаний, а также ненадлежащее отличие участников вооруженных конфликтов от гражданского населения.

В связи с этим понятие «непосредственное участие в военных действиях», а также определение признаков такого участия являются одним из критериев, позволяющих в условиях действующего вооруженного конфликта проводить различие не только между гражданскими лицами и комбатантами, но и между гражданским населением, которое не участвует в вооруженном конфликте, и теми, кто принимает такое участие в индивидуальном порядке, спорадически и неорганизованно.

Термин «непосредственное участие в военных действиях», выведенный из статьи 3, общей для всех Женевских конвенций 1949 г., содержится во многих положениях международного гуманитарного права, однако ни сами Женев-

ские конвенции, ни Дополнительные протоколы к ним не содержат его определения. В этой связи возникает необходимость в получении ответа на три ключевых юридических вопроса: кто рассматривается как гражданское лицо для целей проведения различия; какое поведение отдельных гражданских лиц рассматривается как непосредственное участие в военных действиях; каковы условия утраты защиты от непосредственного нападения.

Важность определения критериев непосредственного участия в военных действиях неоднократно подчеркивалась Международным комитетом Красного Креста, который в 2009 г. подготовил «Руководство по толкованию понятия «непосредственное участие в военных действиях» в свете международного гуманитарного права».

Представляется, что под «непосредственным участием в военных действиях» должно пониматься действие, соответствующее совокупности следующих критериев:

- 1) направленное негативное воздействие на военные объекты с целью причинения смерти, ранения или разрушения таких объектов (наличие порога вреда);
- 2) действие должно быть специально направлено для достижения установленного порога вреда и быть совершено в поддержку одной из сторон и во вред другой (связь с воюющей стороной);
- 3) наличие непосредственной причинной связи между действием и причиняемым вредом (критерий непосредственного причинения).

На основании этого к «непосредственному участию в военных действиях» будут относиться, в частности, ранение или убийство военного персонала, повреждение военных объектов или систем коммуникаций противника. К «непосредственному участию», полагаю, следует также отнести использование вооружений замедленного действия (напр., мины), использование оружия дистанционного характера (напр., непилотируемые летательные аппараты), а также совершение нападений на компьютерные сети противника (кибератака).

При этом подготовка к совершению конкретного действия, равно как и возвращение с места его совершения, также являются составными частями «непосредственного участия в военных действиях».

Представляется, что непосредственное участие в военных действиях не наделяет автоматически гражданское лицо статусом комбатанта. Однако такое поведение гражданских лиц лишает их права на защиту от непосредственного нападения, как если бы они были комбатантами. Отсюда следует, что гражданские лица, принимающие непосредственное участие в военных действиях, не только могут сами становиться объектом прямого нападения, но и не должны приниматься в расчет при оценке соразмерности, когда нападению подвергаются военные объекты, находящиеся поблизости.

Следует отметить, что надеяться на ослабление тенденции к росту участия гражданских лиц в вооруженных конфликтах пока не приходится. Поэтому гораздо важнее принять меры, направленные на ограждение гражданского населения от ошибочного или произвольного превращения в объект нападения.